

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ  
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ДУХОВЕНСТВО  
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ  
ЖИЗНЬ  
НА БЛИЖНЕМ  
И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ  
В ПЕРИОД ФЕОДАЛИЗМА



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»  
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ  
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
МОСКВА 1985



Б. Д. Кочнев

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ  
ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ  
КАРАХАНИДОВ И БУХАРСКИХ САДРОВ

Первым исследователем истории бухарских садров из рода Бурханидов (Ал-и Бурхан) был В. В. Бартольд. Он установил, что это было семейство наследственных хатибов и райсов ханифитской общины в Бухаре. Представители этого рода носили титул «садр-и джахан» (столп мира), название же династии происходит от распространенного в их среде лакаба Бурхан ад-Дин, который носил и основатель династии 'Абд ал-'Азиз, назначенный садром до 536/1141 г. Дом Бурханидов пережил не только Караханидов, но и монгольское завоевание. По мнению В. В. Бартольда, садры в своем лице соединяли духовную и светскую власть, были фактическими владельцами Бухары и ее области, где создали своего рода теократическое государство. Временами они признавали верховную власть Караханидов Самарканда, в другие же периоды были политически полностью независимы<sup>1</sup>. И хотя Бурханиды принадлежали к духовенству, некоторые поэты ставили этих «носителей чалмы» выше, чем «носителей венца»<sup>2</sup>.

Впоследствии О. Прицак существенно дополнил исследование В. В. Бартольда, в основном по части хронологии и генеалогии Бурханидов. Он, в частности, установил, что основатель династии 'Абд ал-'Азиз получил от Санджара сан садра вскоре после 495/1102 г., сама же династия просуществовала до 636/1238—39 г., когда сменилась династией Махбуби. По мнению О. Прицака, и 'Абд ал-'Азиз, и его преемники были совершенно независимы от Караханидов, которые являлись такими же вассалами Сельджукидов, а затем карахытаев, как и сами бухарские садры<sup>3</sup>. О. Д. Чехович, изучая организацию и статус городов Средней Азии феодального периода, выявила многочисленные примеры, когда города достигали независимости и самоуправления. К числу именно таких городов она отнесла и Бухару при садрах в XII в.<sup>4</sup>

Других специальных исследований о Бурханидах, насколько известно, не было; писавшие же об этой династии авторы в основном следовали В. В. Бартольду, отчасти О. Прицаку, в част-

ности в оценке самостоятельности бухарских садров. Лишь в коллективной монографии «История Бухары» утверждается, будто династия садров зародилась в Бухаре «после падения Караханидов»<sup>5</sup>; это можно понимать в том смысле, что с момента зарождения династии власть Караханидов на Бухару уже вовсе не распространялась.

При изучении истории Бурханидов, в частности их взаимоотношений с Караханидами, В. В. Бартольд и О. Прицак опирались почти исключительно на письменные источники. Нумизматические материалы при этом фактически не привлекались. Отчасти это и понятно: до недавнего времени бухарский монетный чекан XII—начала XIII в. почти не был известен. Теперь положение изменилось к лучшему, и мы можем рассмотреть некоторое количество бухарских монет этого времени, как опубликованных, так и неизданных.

Как уже упоминалось, основатель династии Бурханидов 'Абд ал-'Азиз стал бухарским садром вскоре после 495/1102 г., т. е. в период правления в Самарканде Караханида Арслан-хана Мухаммада б. Сулаймана. От имени последнего (правда, с упоминанием также Сельджукида Санджара) в Бухаре выпускались монеты (медные посеребренные (?) дирхемы) в 511/1117-18 или 512/1118-19<sup>6</sup>, 513/1119-20<sup>7</sup> и 515/1121-22 гг.<sup>8</sup> В том же 515/1121-22 г., а также позднее, в 522/1128 г., в Бухаре чеканились фельсы с упоминанием только Санджара<sup>9</sup>, но это отнюдь не обязательно означает, что Караханиды утратили верховную власть над Бухарой: от имени одного Санджара в 530/1135-36 г. выбивались дирхемы и в Самарканде<sup>10</sup>, который в это время, безусловно, оставался столицей Западнокараханидского каганата. Арслан-хан много строил в Бухаре: в 513/1119 г. он устроил новый намазгах (место праздничной молитвы), в 515/1121 г. закончилось возведение соборной мечети, минарет для которой был воздвигнут в 521/1127 г.<sup>11</sup>; последняя дата также не позволяет считать бухарский чекан Санджара свидетельством утраты Караханидами власти над Бухарой.

После низложения Санджаром Мухаммада б. Сулаймана (524/1130 г.) преемниками его стали ал-Хасан б. 'Али, Ибрахим б. Сулайман и Махмуд б. Мухаммад<sup>12</sup>, но бухарский чекан их неизвестен. В Катванской битве 536/1141 г. Санджар и Махмуд были разбиты карахытаями, которые захватили весь Мавераннахр и поставили во главе Западнокараханидского каганата брата Махмуда—Ибрахима (536—551/1141—1156)<sup>13</sup>. От Ибрахима б. Мухаммада дошло два типа недатированных бухарских дирхемов<sup>14</sup> и третий — с датой ..1 г. х., т. е. [54]1/1146-47 либо [55]1/1156 г. (первый вариант представляется более вероятным<sup>15</sup>). Судя по бухарскому чекану Ибрахима, власть его простиралась на Бухару достаточно продолжительное время, скорее всего до конца его правления, когда он погиб в окрестностях Бухары от руки мятежных карлуков<sup>16</sup>.

Бухарские монеты преемника Ибрахима — 'Али б. ал-Хаса-



Таблица

Караханиды Мавераннахра и Бухара в XII — начале XIII в.

№	Караханидский государь	Время правления (годы хиджры)	Верховная власть над Бухарой, отраженная:	
			в монетных надписях	в рукописных источниках
1	Мухаммад б. Сулайман	495—524	Есть	Нет
2	Хасан б. 'Али . . . . .	524—526(?)	Нет	»
3	Ибрахим б. Сулайман . . .	526 (?)	»	»
4	Махмуд б. Мухаммад . . .	526—536	»	»
5	Ибрахим б. Мухаммад . . .	536—551	Есть	Есть
6	'Али б. Хасан . . . . .	551—553(?)	Нет	»
7	Махмуд б. Хусайн . . . . .	ок. 553(?)—556(?)	»	Нет
8	Мас'уд б. Хасан . . . . .	ок. 556—566	Есть	Есть
9	'Абд ал-Халик (б. ал-Хусайн?) . . . . .	ок. 566(?)	Нет	Нет
10	Мухаммад б. Мас'уд . . . . .	566(?)—569	»	»
11	Мухаммад Акдаш (?) Тафгач-хан . . . . .	569—574	Есть	»
12	Ибрахим б. Хусайн . . . . .	574—599	»	Есть
13	'Усман б. Ибрахим . . . . .	599—609	Нет(?)	»

на не выявлены, но, согласно реконструированному Е. А. Давидович тексту Джамала ал-Карши, он был владельцем и Самарканда, и Бухары<sup>17</sup>. Реконструкция эта представляется тем более убедительной, что, по данным Ибн ал-Асира, карахытайский гурхан требовал от Чагры-хана 'Али удалить карлуков из областей Самарканда и Бухары<sup>18</sup>; следовательно, и последняя была подвластна 'Али б. ал-Хасану.

Известна лишь начальная дата правления этого государя — 551/1156 г., а в 566/1160-61 г. в Мавераннахре уже царствовал его брат Мас'уд. Возможно, короткое время между ними правил Махмуд б. ал-Хусайн<sup>19</sup>, но его бухарские монеты нам неизвестны. Чекан Мас'уда (правил, видимо, до 566/1170-71 г.<sup>20</sup>) представлен в основном самаркандской продукцией, но есть и бухарские его монеты 564/1168-69 г.<sup>21</sup>. Впрочем, власть Мас'уда распространялась на Бухару и до этого времени: по данным продолжателя «Истории Бухары» Наршахи, в 560/1165 г. Мас'уд восстановил там городские стены<sup>22</sup>.

Около 566/1170-71 г. владельцем Самарканда стал сын Мас'уда — Мухаммад. Но, возможно, ему предшествовал (очень недолго) 'Абд ал-Халик (б. ал-Хусайн?)<sup>23</sup>; бухарские монеты обоих этих правителей неизвестны. В 569—574/1173—1179 гг. в Мавераннахре правил Мухаммад Акдаш (?) Тафгач-хан<sup>24</sup>, от которого дошли бухарские динары 574/1178-79 г.<sup>25</sup>. Его преемник Ибрахим б. ал-Хусайн (574—599/1178—1203)<sup>26</sup> выпускал в Бухаре фельсы, дирхемы и динары. До нас дошли фельсы 590/1193-94 г.<sup>27</sup>; медные (посеребрённые) дирхемы с несохранившейся датой<sup>28</sup>, но с титулатурой, характерной для монет,

битых после 590 г. х.; золотые динары 59 г. х.<sup>29</sup>, 597/1200-01 г.<sup>30</sup> и более ранние<sup>31</sup> (дата не уцелела, но титулатура обычна для монет, чеканившихся до 586/1190-91 г.). То, что Бухара признавала в это время власть Караханидов, видно и из приведенных у 'Ауфи и посвященных Ибрахиму стихов садра 'Умара б. Мас'уда<sup>32</sup>.

А. К. Марков датирует один из позднекараханидских динаров Бухары 600/1203-04 г.<sup>33</sup>, т. е. динар следовало бы отнести к чекану последнего самаркандского Караханида 'Усмана б. Ибрахима (599—609/1202-03—1212). Однако дата на этой монете<sup>34</sup> сохранилась очень плохо и уверенно не читается, титулатура же выпустившего ее государя надежно не идентифицируется. В то же время Ибн ал-Асир под 604/1207-08 г. упоминает тогдашнего владельца Самарканда (т. е. 'Усмана) как «султана Самарканда и Бухары» и «господина» «жителей Бухары и Самарканда»<sup>35</sup>. 'Усману, как и его отцу, были посвящены стихи садра 'Умара б. Мас'уда<sup>36</sup>.

Как видно из данных таблицы, в XII — начале XIII в. владельцами Центрального Мавераннахра со столицей в Самарканде были по крайней мере 13 представителей династии Караханидов. Со временем, возможно, удастся выявить и новые имена правителей, но, конечно, лишь тех, кто царствовал самое короткое время. Из тринадцати западнокараханидских государей пятеро чеканили монету в Бухаре. Из остальных восьми пятеро или даже шестеро правили очень недолго, чем, быть может, и объясняется отсутствие (по крайней мере, сегодня) их бухарского чекана. С другой стороны, производство монет в Западнокараханидском каганате в XII—начале XIII в. было централизовано и сосредоточено главным образом в столичном Самарканде, тогда как монетный чекан в Бухаре не мог быть столь же регулярным.

Чисто теоретически можно было бы допустить, что в Бухаре чеканка монет с упоминанием Караханидов являлась простой формальностью, отнюдь не отражавшей реального положения вещей, и вовсе не свидетельствует о подчинении Бухары Караханидам. Однако в четырех случаях из пяти показания монет и свидетельства письменных источников совпадают. При таких обстоятельствах и данные последних следует признать достоверными. А значит, по крайней мере семь из тринадцати самаркандских Караханидов считались сюзеренами Бурханидов. Остальные же, за исключением Махмуда б. Мухаммада, правили очень недолго и не оставили почти никаких следов ни в письменных источниках, ни в монетных надписях. «Аргумент от молчания» не может служить доказательством вообще, в данном же случае (при отрывочности письменных известий и монетных данных) — в особенности. Следовательно, мы вправе заключить: почти все (а скорее всего, все) Караханиды Самарканда XII—начала XIII в. распространяли свою власть и на Бухару.



Чрезвычайно показательно, что неизвестно ни одной монеты Бурханидов, тогда как караханидские монеты Бухары представлены многими именами, типами, датами; фельсами, дирхемами, динарами. Коль скоро бухарские садры ни разу не реализовали неотъемлемое право всякого суверенного мусульманского государя на собственную монетную чеканку (сикка), то (по крайней мере, с формальной точки зрения) они и не могли считаться суверенными правителями. Суверенами Бухары выступали в этом плане Караханиды.

Таким образом, верховная власть большинства (а скорее всего, всех) караханидских владетелей Мавераннахра XII—начала XIII в. признавалась в Бухаре, бухарские же садры начиная с момента возникновения династии Бурханидов и вплоть до захвата Бухары Мухаммадом б. Текешем (604/1207 г.) являлись вассалами Караханидов. Надо полагать, реальная власть в Бухаре в течение всего этого периода была сосредоточена в руках садров, и все же они находились в определенной вассальной зависимости от владетелей Самарканда. На разных этапах степень этой зависимости была различной: временами почти не ощутимой (как явствует из сообщений письменных источников), иногда же довольно значительной.

О последнем свидетельствуют фельсы Бухары и Самарканда 590/1193-94 г.<sup>37</sup>, которые являют один и тот же тип: они не различаются ни содержанием и размещением легенд, ни оформлением, даже украшение в поле л. ст. у них совершенно одинаковое; единственная разница — в наименовании монетного двора. Примеры предшествующего периода свидетельствуют, что единый тип мелкой разменной монеты в Западнокараханидском каганате в конце XI — начале XII в. устанавливался централизованно. Таковы одинаковые в типовом отношении фельсы Бухары и Самарканда, битые в 490/1096-97 г. от имени Махмуда<sup>38</sup>. Один и тот же тип демонстрируют также половинные фельсы (нисфиййа), выпущенные от имени Мухаммада б. Сулаймана (495—524/1102—1130) в Самарканде и Маргиане без обозначения даты<sup>39</sup>. Однотипность данных монет объясняется вхождением в состав одного государства в первом случае Самарканда и Бухары, во втором — Самарканда и Маргиана. Значит, и однотипность фельсов Бухары и Самарканда 590/1193-94 г. тоже следует считать результатом единой монетной политики и фактического, а не номинального подчинения Бухары Ибрахиму б. ал.-Хусайну. Чрезвычайно показательно, что в период его правления даже тип мелкой разменной монеты для Бухары утверждался центральной властью, т. е. даже на этом (в общем-то невысоком) уровне Бухара не могла проявить свою самостоятельность.

В. В. Бартольд полагал, что временами караханидские государя распространяли власть на Бухару, временами же садры были совершенно независимы. Так, по его мнению, в

560/1165 г. власть в Бухаре принадлежала Тафгач-хану Мас'уду, затем садрам, но потом Ибрахим б. Хусайн «восстановил» здесь власть самаркандских ханов<sup>40</sup>. Вывод о переходе Бухары к садрам основывается на том, что автор сокращенной редакции «Истории Бухары» Наршахи — Мухаммад б. Зуфар — в 574/1178-79 г. посвятил свой труд садру Бурхан ад-Дину 'Абд ал-'Азизу. Сам по себе этот факт отнюдь не говорит об утрате Караханидами власти над Бухарой: Вабкентский минарет был выстроен в 593—595/1196—1199 г. от имени того же садра<sup>41</sup>, хотя, как показывают бухарские монеты 590/1193-94 и 597/1200-01 гг., в Бухаре в это время признавался сюзеренитет Ибрахима б. ал.-Хусайна. Против вывода В. В. Бартольда свидетельствует и караханидский золотой динар, битый в Бухаре в 574/1178-79 г.

Приведенные данные отнюдь не опровергают тезис В. В. Бартольда и О. Прицака о самостоятельности бухарских садров. Но о полной их независимости, пусть даже на отдельных этапах, теперь, по нашему мнению, говорить не приходится. В свете новых материалов едва ли приемлемо и данное В. В. Бартольдом определение Бухары при Бурханидах как «теократического государства», во всяком случае во второй его части; правильнее будет считать ее «владением» в системе Западнокараханидского каганата.

Чтобы лучше понять место Бухары в этой системе, следует вспомнить, что представлял собой Западнокараханидский каганат. Окончательно оформившееся в конце второй четверти XI в.<sup>42</sup>, это государственное образование в течение значительного времени оставалось достаточно централизованным. Распад его начался в XII в.: ранее других (еще в первой половине столетия) выделилась Фергана, во второй половине века появились уделы Парабский, Бенакетский, а в пределах Ферганы кроме главного, Узджандского, — также Касанский и Маргианский<sup>43</sup>; есть основания считать, что свой удел (уделы?) появился и в приамударьинских областях. Правители всех этих уделов титуловались ханами (хаканами), чеканили собственную монету, причем только от своего имени, никак не упоминая самаркандского государя. Вместе с тем, как показала Е. А. Давидович, до самого конца династии «идея о формальном едином Караханидском государстве во главе с самаркандским владетелем продолжала существовать и нашла свое выражение в семейно-династической иерархии, отраженной титулатурой»<sup>44</sup>.

Нумизматические материалы не позволяют видеть в отношениях между Самаркандом и прочими уделами отношений сюзерена и вассалов, правильнее будет говорить, пользуясь выражением Е. А. Давидович, о внешней и формальной «субординации»<sup>45</sup>. Конечно, зависимость садров Бухары от правителей Самарканда на отдельных этапах могла быть тоже достаточно формальной, и все же это была зависимость, выражавшаяся, в частности, в отсутствии собственного монетного чекана Бурха-



нидов, тогда как свою монету имели даже такие мелкие владетели, как маргинанский или касанский. И хотя садров можно было сравнить «разве только с самыми великими господами и высочайшими владетелями»<sup>46</sup>, политический их статус несопоставим со статусом даже мелких удельных правителей (Касан, Маргинан и т. д.). Каждый из них стоял во главе отдельного удела (по существу, самостоятельного государства), тогда как Бухара до начала XIII в. оставалась лишь владением в составе одного из уделов (хотя и важнейшего из них).

Итак, политическая зависимость Бурханидов от Караханидов Самарканда несомненна. Сопровождалась ли она также экономической зависимостью? Стремясь доказать полную независимость садров, обычно ссылаются на Ибн ал-Асира, согласно которому они сами собирали для карахитаев дань с Бухары<sup>47</sup>. Однако, во-первых, это сообщение относится к последним годам существования Караханидов, когда в Самарканде сидел хан 'Усман, совсем еще юный, ввиду чего связи Бухары со столицей могли ослабеть; неизвестно, была ли подобная практика обычной и для XII в. Во-вторых, из сообщения Ибн ал-Асира вовсе не следует, будто из собранных с Бухары налогов в Самарканд не поступало ничего. Прямых свидетельств по этому вопросу в письменных источниках нет, однако можно высказать некоторые косвенные соображения. Известно, что садр Мухаммад б. 'Умар обратился за помощью против карлуков к владетелю Самарканда Чагры-хану 'Али, который сумел их разгромить. Позднее, в 560/1164-65 г., Клыч Тафгач-хан Мас'уд восстановил стены Бухары<sup>48</sup>. Как можно заключить из этих примеров, Караханиды Самарканда защищали Бухару, тратили средства на ее оборону, т. е., защищая бухарцев, выполняли одну из основных обязанностей государя по отношению к своим подданным, которые, в свою очередь, были обязаны выплачивать ему подати. Наконец, сама монетная регалия предполагает определенные права, привилегии и, как правило, доходы. Монетные надписи, разумеется, не раскрывают объем этих прав и привилегий, но самый факт чеканки Караханидами монеты в Бухаре позволяет предполагать, что какая-то часть бухарской подати поступала в самаркандскую казну.

Таким образом, садры Бухары из рода Бурханидов были зависимы от Караханидов-Самарканда не только в политическом, но, вероятно, и в экономическом отношении.

<sup>1</sup> В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Сочинения. Т. 1. М., 1963, с. 389—390, 417—420; он же. Бурхан.— Сочинения. Т. 2, ч. 2. 1964, с. 515—518; он же. Бухара.— Сочинения. Т. 3. 1965, с. 387.

<sup>2</sup> В. В. Бартольд. Бурхан, с. 515.

<sup>3</sup> O. Pritsak. Al-i Burhan.— «Der Islam». Bd 30. В., 1952, с. 81—96.

<sup>4</sup> О. Д. Чехович. Городское самоуправление в Средней Азии феодального периода.— Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья [Бартольдовские чтения 1976]. М., 1979, с. 230, 232.

<sup>5</sup> История Бухары с древнейших времен до наших дней. Таш., 1976, с. 94.

<sup>6</sup> Музей истории народов Узбекистана, № 44/108.

<sup>7</sup> А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896, с. 274, № 500.

<sup>8</sup> E. Zambaur. Die Münzprägungen des Islams. Bd 1. Wiesbaden, 1968, с. 67.

<sup>9</sup> Т. Ходжаниязов. Каталог монет государства Великих Сельджуков. Ашх., 1976, с. 114, № 415.

<sup>10</sup> Там же. с. 115, № 420.

<sup>11</sup> В. В. Бартольд. Туркестан..., с. 161.

<sup>12</sup> O. Pritsak. Die Karachaniden.— «Der Islam». Bd 31/1. 1953, с. 52—53.

<sup>13</sup> Там же, с. 53.

<sup>14</sup> Монета первого типа опубликована А. К. Марковым в «Инвентарном каталоге...» (с. 277, № 517), но не идентифицирована им; убедительная ее интерпретация предложена в ст.: Е. А. Давидович. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов.— Нумизматический сборник. Ч. 2. М., 1957, с. 111 (Труды ГИМ, вып. 26). Дирхем второго типа не издан, хранится в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа (далее — ГЭ), № 3680.

<sup>15</sup> Публикацию дирхема см. Б. Д. Кочнев. Монеты с именем султана Санджара из Бухары.— «Известия АН ТуркмССР», Серия обществ. наук. 1975, № 2, с. 69—70. Поскольку в легендах данной монеты упомянут также Санджар, мы полагали, что она могла быть выпущена до Катванских битвы 536/1141 г., возможно в 531/1136-37 г. Т. Ходжаниязов, однако, показал, что и после этого события на монетах Ибрахима б. Мухаммада проставлялось имя Санджара, но, вероятно, лишь до того, как он попал в плен к гузам в 548/1153 г. (Т. Ходжаниязов. Денежное обращение в государстве Великих Сельджуков. Ашх., 1977, с. 74—75).

<sup>16</sup> В. В. Бартольд. Туркестан..., с. 396—397.

<sup>17</sup> Е. А. Давидович. Вопросы хронологии и генеалогии Караханидов второй половины XII в.— Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977, с. 181.

<sup>18</sup> В. В. Бартольд. Туркестан..., с. 397.

<sup>19</sup> Б. Д. Кочнев. Новые нумизматические данные к истории Караханидов второй половины XII — начала XIII в.— Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983, с. 77—79.

<sup>20</sup> Там же, с. 79—80.

<sup>21</sup> E. Zambaur. Die Münzprägungen..., с. 67.

<sup>22</sup> В. В. Бартольд. Туркестан..., с. 399.

<sup>23</sup> Б. Д. Кочнев. Новые данные по генеалогии и хронологии Караханидов.— Тезисы III Всесоюзной тюркологической конференции (литературоведение и история). Таш., 1980, с. 149.

<sup>24</sup> Е. А. Давидович. Вопросы хронологии..., с. 182—183.

<sup>25</sup> М. Н. Федоров. По поводу Афрасиабского клада золотых монет второй половины XII века.— ИЭ. Т. 12. М., 1978, с. 58.

<sup>26</sup> Начальная дата правления Ибрахима в Самарканде (574/1178-79 г.) была известна (из нумизматических данных) еще В. В. Бартольду (Туркестан..., с. 593), но определить точный год конца его царствования долго не удавалось. Судя по изданному фельсу из коллекции В. А. Морозова (г. Алмалык Ташкентской обл. УзССР), он правил до 599/1202-03 г.

<sup>27</sup> ГЭ, № 3682.

<sup>28</sup> А. К. Марков. Инвентарный каталог..., с. 289, № 597.

<sup>29</sup> Там же, с. 975, № 594а (4-е добавление).

<sup>30</sup> Там же, с. 289, № 595—596.

<sup>31</sup> М. Н. Федоров. По поводу Афрасиабского клада..., с. 61—62.

<sup>32</sup> В. В. Бартольд. Туркестан..., с. 418—419, примеч. 1.

<sup>33</sup> А. К. Марков. Инвентарный каталог..., с. 925—926, № 595а (3-е добавление).

<sup>34</sup> ГЭ, № 797.

<sup>35</sup> Извлечения из «Китаб ал-камил фи-т-тарих» Ибн ал-Асира. Пер. с араб. К. Б. Старковой.— Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973, с. 73—74.



<sup>36</sup> О. Pritsak. Al-i Burhan, с. 90.

<sup>37</sup> Фельс Самарканда см. Г. В. Шишкина. Клад медных монет с Афараснаба.— ИМКУ. Вып. 5. 1964, с. 114, 116 (№ 3). Фельс Бухары не издан, хранится в ГЭ, № 3682.

<sup>38</sup> ГЭ, № 3650, 21019. Публикацию их см. В. Dogn. Über die Münzen der Peke oder ehemaligen Chane von Turkistan.— Melanges Asiatiques. Т. 8. SPb., 1880, с. 733, № 110—111.

<sup>39</sup> Самаркандские монеты этого типа опубликованы А. К. Марковым (Инвентарный каталог..., с. 274—275. № 501—503). Неизданная маргинанская монета показана нам на кафедре археологии Средней Азии Ташкентского университета, найдена В. Р. Чейлытко в «Пещере змей» близ г. Оша Киргизской ССР.

<sup>40</sup> В. В. Бартольд. Туркестан..., с. 418—419.

<sup>41</sup> В. А. Нильсен. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI—XII вв. Таш., 1956, с. 94—95.

<sup>42</sup> Е. А. Давидович. О двух караханидских каганатах.— НАА. 1968, № 1, с. 69—74.

<sup>43</sup> Б. Д. Кочнев. Новые нумизматические данные..., с. 90—103.

<sup>44</sup> Е. А. Давидович. Нумизматические материалы..., с. 99.

<sup>45</sup> Там же, с. 98.

<sup>46</sup> Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Пер. с араб., предисл., коммент., примеч. и указ. З. М. Буниятова. Баку, 1973, с. 68.

<sup>47</sup> О. Pritsak. Al-i Burhan, с. 88.

<sup>48</sup> В. В. Бартольд. Туркестан..., с. 397—399.

А. А. Кудрявцев

## О МЕСТЕ ДУХОВЕНСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ФЕОДАЛЬНОГО ДЕРБЕНТА

Дербент в течение многих веков был одним из крупнейших идеологических центров средневекового Кавказа, где получили распространение и в определенные периоды сосуществовали три мировые религии: зороастризм, христианство, ислам.

В средневековую эпоху Дербент выступает не только главным опорным пунктом и оплотом крупнейших государств Ближнего и Среднего Востока в их продвижении на север, но и важным очагом распространения их идеологического влияния: на многие области Восточного и Северо-Восточного Кавказа. Это обстоятельство не могло не сказаться на положении местного духовенства в социальной структуре дербентского общества и в известной степени определило его взаимоотношения со светской властью средневекового города.

В V—VII вв. в Дербенте господствовали христианство и зороастризм и служители этих культов играли большую роль в жизни местного общества. Христианское духовенство занимало особое положение в социальной структуре дербентского общества, что было связано не только с очень сильными позициями христианской церкви в Дербенте, как и во всем Закавказье, но и со сложными противоречиями идеологического характера, которые возникали в силу различного вероисповедания сасанидской военно-административной верхушки и основной части населения города. Христианство, начавшее укрепляться в Дербенте еще в IV в., уже в V в. стало религией основной части иранского населения города. В. В. Бартольд отмечал: «<...> когда арабы заняли пограничные области Персии, в этих областях упоминается о христианстве как о религии местного населения, а о последователях зороастризма не упоминается»<sup>1</sup>. Христианское духовенство являлось «особым слоем, весьма сильным и влиятельным во всех странах Закавказья»<sup>2</sup>. Духовенство Дербента не было исключением в этом плане, наоборот, его положение в структуре местного общества было намного выше, чем во многих других городах Закавказья и Ирана. Близость Ватнианского поля, где погиб мученической



ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ  
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА  
ИЖТИМОЙ  
ФАНЛАР

*Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган*

1984

---

12

ОБЩЕСТВЕННЫЕ  
НАУКИ  
В УЗБЕКИСТАНЕ

*Журнал издается с 1957 года*



ли, Франции, Италии, Индии, Пакистана. В ноябре 1979 г. в Кабуле состоялся Международный симпозиум, посвященный творчеству Хушхаль-хана Хаттака — основоположника афганской литературы на языке пушту. Кроме того, в Афганистане ежегодно проводятся общенациональные конференции с участием советских и афганских ученых. Они были посвящены, в частности, жизни и творчеству Алишера Навои, Махтумкули, Ибн Сины и др.

Большим событием в культурной жизни Афганистана стала национальная конференция, посвященная 500-летию Бабура, которая состоялась 1 апреля 1983 г. в Кабуле по инициативе АН ДРА, Союза писателей ДРА и Кабульского университета. На конференции с интересными докладами выступили видные афганские ученые: Сулейман Лоек, Гулям Даस्ताгир Панджширий, Бөрк Шафей. От советской стороны с докладами «Бабур и международное право» и «О наследии Бабура в Афганистане» выступили проф. Р. А. Тузмухамедов и А. Усманов.

Крепнут дружба и творческое сотрудничество между учеными Афганистана и Узбекистана, в частности в области совместного изучения и публикации наследия Абдаррахмана Джами и источников по истории культуры Афганистана и Средней Азии из Собрания рукописей АН УзССР. Афганские ученые с интересом знакомятся с опытом работы академических и внеакадемических научных учреждений Узбекистана.

Для совместного издания в 1983—1985 гг. намечены «Письма-автографы Абдаррахмана Джами из «Альбома Навои» по рукописи Института востоковедения АН УзССР, а также «Заб-и тарихха» («Украшение летописей») Хусейна Али — уникальной рукописи из фонда ИВ АН УзССР, посвященной истории Афганистана XVIII в. Изучаются возможности дальнейшего расширения совместных исследований в области историографии и источниковедения Средней Азии и Афганистана на основе рукописного фонда Института востоковедения АН УзССР и рукописных коллекций Афганистана, а также по переводу с русского языка на дары трудов по истории и истории культуры Афганистана, опубликованных Институтом востоковедения АН УзССР, как «История Балха», «Ремесло и мелкая промышленность Афганистана», «Государство Бабура в Кабуле» и др.

В настоящее время Академия наук ДРА уделяет особое внимание укреплению связей науки с производством. Ученые страны разрабатывают и внедряют программы по развитию национальной промышленности и сельского хозяйства, созданию кооперативов и государственных механизированных ферм, развитию транспорта и связи и др.

Ученые Афганистана активно участвуют и в международном движении за сохранение мира на Земле. Например, весной 1983 г. ученые ДРА обратились ко всем ученым мира с воззванием объединиться и умножить свои усилия по предотвращению гонки вооружения и развязывания новой мировой войны<sup>2</sup>.

Советские ученые желают успеха своим афганским коллегам в развитии научных изысканий и эффективном использовании их результатов в интересах строительства нового Афганистана.

*Б. К. Каримов*

<sup>2</sup> Afghanistan, 1983. N 1, vol. 36, p. 2.

## КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

### О. КАРАЕВ. ИСТОРИЯ КАРАХАНИДСКОГО КАГАНАТА (X — НАЧАЛО XIII вв.)

(Фрунзе: Илим, 1983, 302 с.)

Более двух веков входили в состав государства Караханидов обширные территории Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Южного Казахстана и Восточного Туркестана. То был один из важнейших периодов средневековой истории Средней Азии, когда интенсивно развивались городская жизнь, торговля, товарно-денежные отношения, материальная и духовная культура и т. д. Тем не менее книг о государстве Караханидов до сих пор не было ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. И весьма отродно, что первая сводная работа о Караханидском каганате принадлежит перу советского ученого О. Караева, известного рядом своих публикаций по данной теме. Нельзя, правда, сказать, что О. Караев не имел здесь предшественников — достаточно назвать имена В. В. Бартольда и О. Прицака. Но в отличие от прежних исследователей он ставит перед собой более широкую задачу — осветить все стороны жизни каганата, причем наиболее подробно останавливается на династийно-политической истории, которая изложена им с наибольшей на сегодняшний день полнотой, что уже заслуживает внимания и одобрения.

Книга состоит из введения, шести глав, заключения и приложения в виде генеалогических и хронологических таблиц. Определен во введении (с. 3—6) основные задачи работы, автор в первой главе (с. 7—54) освещает историю изучения проблемы и характеризует основные источники по истории Караханидского каганата. История изучения проблемы разделена им на три периода (XIX в.; I половина XX в.; последующие десятилетия), но не приведено никаких оснований для такой периодизации, которая представляется довольно произвольной. Перечислено множество



публикаций и исследований в разных областях, но без строгой системы. Перечень работ, имеющих отношение к истории Караханидского каганата, однако, не полон, да и вообще трудно добиться здесь исчерпывающей полноты. И все же принцип отбора не ясен. Так, упомянута ранняя работа Х. М. Френа («Монеты ханов улуса Джучиева...») с описанием нескольких караханидских монет, но не названы две гораздо более важные его публикации (Recensio..., Nova Supplementa...), где этих монет издано намного больше. Непонятно, почему в число работ, рассматривающих «отдельные вопросы истории Караханидов», попала, например, статья И. Б. Михайловой «Организация айяров в Багдаде X—XI вв.» Некоторым исследованиям различных авторов дается оценка, а труды О. Прицака явно недооценены, хотя его «Караханиды» и сегодня остаются лучшей работой на эту тему.

В обзор письменных источников (с. 31—49) включено более 20 сочинений, однако подбор их довольно случаен и далек от полноты: в нем фигурируют, например, географы X в., даже не слышавшие о Караханидах, но нет единственного дошедшего до нас памятника караханидской историографии (книги ал-Катиба ас-Самарканди) и произведений ряда других авторов, содержащих конкретные сведения именно о Караханидах.

Краткие характеристики сочинений и их авторов ограничиваются в основном общеизвестными данными. Даже по поводу сочинения Ибн ал-Асира, у которого мы находим наибольшее число сообщений о Караханидах, приведено лишь высказанное еще В. В. Бартольдом мнение о достоверности большинства его сведений; в целом оно справедливо и сейчас, но не в части, относящейся к Караханидам: когда есть возможность проверить сведения Ибн ал-Асира об этой династии известиями других авторов или показаниями монет, то зачастую сведения Ибн ал-Асира оказываются неточными. К сожалению, изобилует неточностями и данный раздел книги О. Караева. Утверждается, например, будто труд Ибн ал-Асира (почему-то названного «монгольским историком», с. 43) переведен Т. Нельдеке на немецкий язык (с. 44). Тут же автор сообщает, что, тщательно просмотрев текст Ибн ал-Асира, он «перевел ряд новых отрывков по истории Караханидов». Однако в дальнейшем изложении этого практически незаметно и в подавляющем большинстве случаев О. Караев обращается не к самим текстам, а к переводам трудов и этого, и других арабоязычных авторов, причем не всегда удачным; таким представляется упоминание у Утби «Андажа, привратника к нему» (с. 117); не сразу поймешь, что речь идет о «хаджибе Аяче».

Основную часть раздела о «нумизматических источниках» (с. 49—54) составляет «перечень кладов и отдельных экземпляров, обнаруженных на территории Средней Азии» (с. 51—53), включающий 44 номера. Однако здесь учтены лишь небольшая часть караханидских кладов и ничтожная доля «отдельных экземпляров». В ряде случаев вообще невозможно уяснить, упомянут ли клад как таковой или совокупность отдельных монет. При проверке, крайне затрудненной полным отсутствием ссылок на литературу, обнаруживаются ошибки в датировке и характеристике состава ряда кладов. Непонятно, почему в перечень включены монеты Ануштегинидов и даже XIII—XIV вв. В последующих главах данный перечень не использован, да и вообще бесполезен в таком виде для читателя, знакомого с литературой вопроса, а у того, кто с нею незнаком, этот перечень может создать совершенно превратное представление о размерах фонда найденных в Средней Азии караханидских монет.

В данном разделе уместна была бы попытка охарактеризовать караханидские монеты как исторический источник, но такую характеристику, конечно, не могут заменить приведенные без должной связи и системы цитаты из работ Е. А. Давидович о сфере применения золотых монет, о типологических группах дирхемов XI—XIII вв., о критериях различения разнопробных серебряных монет. Словом, здесь (как и в последующих главах) автор проявляет недостаточное знакомство с «нумизматическими источниками», хотя сам же справедливо отмечает, сколь важную роль играют данные нумизматики в изучении политической, экономической и культурной жизни Караханидского каганата (с. 49).

Основную часть содержания второй главы (с. 55—93) составляют характеристика населения Центрального Тянь-Шаня и Семиречья и попытки доказать, что Караханиды вышли из чигилей. Вопрос о происхождении династии, конечно, немаловажен, но О. Караеву не удалось привести в пользу своей точки зрения существенные и «оставшиеся вне поля зрения исследователей исторические факты» (с. 77). Нельзя же считать «самым конкретным свидетельством в пользу происхождения изучаемой нами династии из чигилей» упоминание в одном месте «Шах-наме» владыки Турана Арджаса как «чигильского царя» (с. 77). Собственно, и О. Прицак выводил Караханидов из чигилей, считая последних частью карлуков; О. Караев же разделяет карлуков и чигилей. В конце главы рассмотрены разные названия династии и караханидская титулатура, но о степени проникновения автора в важнейшую тему о тюркских титулах можно судить по такому факту: более двух страниц (с. 87—90) отведено происхождению, разным формам чтения и передачи слова «илек», однако ничего не сказано о «цене» этого титула.

В трех последующих главах достаточно подробно прослежена династийно-политическая история Караханидского каганата: в третьей (с. 94—124) — от его возникновения до завоевания государства Саманидов, в четвертой (с. 125—164) — до нашествия киданей, в пятой (с. 166—196) — до падения династии. В своем изложении автор следует в основном В. В. Бартольду и О. Прицаку, но с поправками и



дополнениями Е. А. Давидович, С. Г. Агаджанова, М. Н. Федорова и других исследователей. Эти разделы освещены в общем удовлетворительно. Менее удачными представляются поправки самого О. Караева. Так, в разделе о восточных границах владений Караханидов (гл. III, с. 103—112) автор датирует поход Арслан-тегина против Бука-Будрача и завоевание северо-восточных земель второй половины X в., хотя В. В. Бартольд и О. Прицак с полным основанием считали, что эти события происходили в XI в., незадолго до составления труда Махмуда Кашгарского (третья четверть XI в.), беседовавшего с одним из участников похода.

Как доказали О. Прицак и Е. А. Давидович, Караханидское государство окончательно разделилось на Западный и Восточный каганаты не позже 433 (1041—42) г. х., по мнению же О. Караева юридическое оформление обоих каганатов произошло в 1070 г., в связи с заключением между ними мирного договора (с. 145—152). Следуя такой логике, отсчет истории государства Сельджукидов, например, надо начинать не с 1038 г. (как принято), а с 1060 г., когда был заключен мир между Газнавидами и подчинявшимися им в свое время Сельджукидами. Еще труднее согласиться с автором, когда он уверяет, будто в эпосе «Манас», в «Огуз-наме» и «Шах-наме» «нашли отражение» и даже «воспроизведены» «важные события из истории Караханидов» (с. 98—99, 126, 164). Доверие к подобным источникам подвело его и тогда, когда на основании легенды о Сатуке Бугра-хане он называет отцом Али-тегина никогда не существовавшего Бугра-хана Хасана, сына Бугра-хана Харуна (с. 131—132, 134, 267).

Неверны и некоторые другие генеалогические построения автора. Так, Аббас приходился сыном не Ибрахиму б. Насру, а Мухаммаду б. Насру (ср. с. 226). Али-тегин (XI в.) не был отцом Абу-л-Маали Хасана (ср. с. 267) и т. д. Ни в генеалогических таблицах, ни в списках ханов не приведены годы их правления, которые не всегда ясны и из текста, но отдельные даты явно неверны, как, например, год убийства Ибрахима б. Мухаммада (не 449 г. х., а позже) и хронология некоторых его ближайших преемников (с. 162—163). Имена нескольких правителей, причем не удельных, а занимавших ханский престол, вообще не попали ни в генеалогические таблицы, ни в списки ханов, а в тексте упомянуты вскользь либо вовсе не названы (Тоған-хан Мухаммад б. Хасан, Кадыр-хан Джабраил, Акдаш Тафгач-хан Мухаммад).

Во всех трех главах ощущается диспропорция в полноте освещения отдельных этапов, событий среднеазиатской истории конца X—XII в. Слишком подробно и без нужды рассказывается о неурядицах в Саманидском государстве накануне его падения, о правителях Хорезма, о киданях (причем все это общеизвестно), но почему-то совершенно выпали некоторые эпизоды собственно караханидской истории (междоусобия после смерти Насра б. Али, поход Ахмада б. Али против «неверных» тюрок, нашествие и гибель Джабраила б. Умара, обстоятельства царствования Масуда б. Хасана и т. д.). Отчасти такие лакуны объясняются недостаточным знакомством с нумизматическими источниками, что подчас приводит к фактическим неточностям. Так, до захвата Бухары Наср б. Али был владельцем не восточной, а всей Ферганы (ср. с. 124); при Мансуре б. Али Исвиджаб не принадлежал Йусуфу б. Харуну (ср. с. 132); Али-тегин не выпускал монет при Насре б. Али и не был братом носителя лакаба Муниз ад-Даула (ср. с. 134, 135); преемник Мухаммада б. Масуда известен, причем именно по монетам (ср. с. 179); Махмуд б. Ахмад не чеканил монет в 610 г. х. (ср. с. 190) и т. д.

Иногда выводы и отождествления нумизматов приводятся без соответствующих ссылок и определения авторства. Например, О. Прицак настаивал на тождестве правившего около 415—418 гг. Тоған-хана, брата Али-тегина, и того Тоған-хана, который в 435 г. х. владел Ферганой. М. Н. Федоров решительно возражал против этой точки зрения, приводя слова Байхаки о том, что Тоған-хан, брат Али-тегина, «пал» задолго до второй даты. О. Караев повторяет аргументацию М. Н. Федорова (с. 133—134), но без ссылки на него, причем приводит из Байхаки то же самое место, что и М. Н. Федоров (летопись 428 г. х.), хотя в «Истории Масуда» есть и более раннее известие о «падении» брата Али-тегина (летопись 422 г. х.), оставшееся незамеченным М. Н. Федоровым, а потому и О. Караевым. В рассказе о событиях в Фергане и участии в них Али-тегина (с. 136) О. Караев тоже следует М. Н. Федорову, хотя ссылается на каталог А. К. Маркова, где, однако, нет никакого Али-тегина, а есть титул, который прочитан публикатором как Тангач-каан, а приписан он Али-тегину именно М. Н. Федоровым, хотя и неправильно.

В последней главе (с. 197—258) без определенного порядка и системы приведены ценные и интересные, но во многом отрывочные и нередко случайные данные о скотоводстве, земледелии, феодальных пожалованиях, вакфах, классах и классовой борьбе, городах, ремесле, горном промысле, торговле, системе управления, строительстве и культуре (именно в такой последовательности). Здесь сказывается недостаточное знакомство с литературой и существом предмета. Для примера приведем весьма ответственный раздел о феодальных пожалованиях, где широкое распространение в государстве Караханидов института икта доказывается: 1) известным свидетельством Ибн ал-Асира о предоставлении Али-тегином наделов (икта) Йусуфу б. Мусе; 2) сообщение того же автора о карахытайском гурхане, который никому не давал икта (логика О. Караева совершенно не ясна!); 3) рассказом Мукаддаси о позднесаманидском военачальнике Файке, который выстроил около Мерке рабад (так у О. Караева). Из последнего свидетельства наш автор делает вывод: накануне-



не падения Саманиды не могли владеть районом Мерке, а значит, Фанк получил Мерке в качестве надела-икта за военную службу Караханидам в 995—996 гг. и выстроил здесь рабад, «от базара которого... получал большой доход» (с. 212). О. Караев, конечно, путает рабад (пригород) и рабат (пограничное укрепление), но главное — забывает, что Мукаддаси писал о саманидском времени (не позже 989 г.). Как курьез можно отметить, что из семи выделенных О. Караевым «социальных групп», существовавших в государстве Караханидов, две составляют... аййары (оценщики золота, серебра и драгоценных камней) и фитйаны (юноши) (с. 264).

В целом же широкий читатель найдет в книге наиболее полное на сегодняшний день изложение династийно-политической истории Караханидов, хотя и не лишённое существенных недочетов. При оценке труда О. Караева надо учитывать также, что это — во многом первая попытка воссоздания общей истории Караханидского каганата, нуждающейся еще в глубоких исследованиях специалистов различного профиля.

*Б. Д. Кочнев*

## НОВЫЕ КНИГИ

### **О. Э. ЭШКУВАТОВ, Н. Р. РАХМАН'ОВ. МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)**

(Ташкент: Узбекистан, 1983, 214 с., на узб. яз.)

В книге предпринята попытка рассмотреть в историографическом аспекте основные вопросы марксистско-ленинского учения о национально-колониальном и национально-освободительном движении, дальнейшее развитие и конкретизацию марксистско-ленинских положений по данному вопросу на основе теоретического обобщения практики национально-освободительных революций в документах Коминтерна, КПСС и ряда братских партий.

Как подчеркивают авторы, основоположники марксизма-ленинизма придавали большое значение разработке как теории наций и национальных отношений в целом, так и теории национально-освободительного движения с классовых позиций рабочего класса.

В. И. Ленин, продолжая дело К. Маркса и Ф. Энгельса, развил дальше теорию национально-колониального вопроса применительно к эпохе империализма и эпохе перехода от капитализма к социализму, убедительно показал, что задача полного освобождения всех угнетенных наций есть составная часть общей задачи — мировой пролетарской, социалистической революции.

Авторами осуществлена периодизация ленинских работ, посвященных национально-колониальному вопросу и национально-освободительным революциям.

В работе раскрывается значение ленинского учения для разработки теоретических проблем современного национально-освободительного движения.

Много внимания уделено освещению проблем национально-освободительных революций в документах КПСС и ряда братских партий, совещаний представителей коммунистических и рабочих партий 1957, 1960, 1969 гг.

Как показано в работе, борьба народов бывших колониальных и зависимых стран за свое подлинное национальное и социальное освобождение находится в центре внимания КПСС и братских партий.

*Р. Байджанов, Р. Гафурова*

### **Л. С. ТОЛСТОВА. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ. К ИСТОРИИ РАННИХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ НАРОДОВ АРАЛО-КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА**

(М.: Наука, 1984, 246 с.)<sup>1</sup>

Книга Л. С. Толстовой содержит детальное аналитическое рассмотрение легенд и преданий населения Южного Приаралья (каракалпаков, узбеков и др.) как одного из важных источников к познанию его этнической истории в древности и средние века. Автор подчеркивает при этом, что «исторический фольклор народов Приаралья еще не являлся объектом специального изучения этнографов и историков — исследователей этногенетических проблем» (с. 5), тогда как в данном регионе исторические предания и легенды (как и некоторые иные эпические жанры фольклора) сохранялись необычайно долго и несли в себе информацию многовековой, иногда двух-трехтысячелетней давности. Поэтому задача сводится к тому, чтобы извлечь из них эту информацию, дав ей должное научное истолкование путем привлечения к исследованию ее данных исторических, этнографических и других источников.

Книгу открывает глава, посвященная выявлению места исторического фольклора в системе наук, изучающих этноисторические и этнокультурные проблемы. В этой

<sup>1</sup> Отв. редактор Б. В. Андрианов.